Должен ли социолог заниматься инженерией?

В рамках IX Грушинской конференции представители ЦСП «Платформа» провели секцию «Проектирование моделей территориального развития». Накануне мероприятия генеральный директор Алексей Фирсов и руководитель направления социологических исследований Мария Макушева рассказали о проблемах местных сообществ, границах этичности между социологом и заказчиком, а также о том, как может выглядеть социальный инженер.

А что значит социальная инженерия для Вас? Совместима ли она с профессией социолога? Где границы этичности ее использования?

Относительно разделения социологии и инженерии выскажем две позиции. Первая – классическая. На уровне методов познание и реализация проектов отличаются. Социология, все же, – это познание объекта таким, какой он есть, его структуры и тенденций, но не влияние. Это не исключает того, что социология включена в процесс влияния в качестве источника знаний. В таком случае мы допускаем, что чистое, незаинтересованное описание объекта возможно. Данное допущение – предмет нашей веры.

Вторая позиция – исследование проективно по своей сути. Его цели, задачи, язык описания действительности всегда следуют за какими целями и ценностями. Никакого предмета «самого по себе» не существует, он создаётся способом его описания. Исследование строится на наборе гипотез, опирается на заказ в выборе предмета, предполагает некие общественные ценности при выборе подхода. В прикладных исследованиях мы постоянно имеем дело с «рисками», изучаем «конфликт», ищем пути его минимизации и так далее, то есть вписаны в систему ценностей и отношений, являемся ее частью. Это не вся инженерия, но ее

часть. Поэтому сама постановка вопроса: «должен ли социолог заниматься инженерией», — закрывает суть дела: а чем же ещё социолог занимается?

Откуда идет запрос на расширение функции исследователя? Часто заказчик выдвигает претензию: «Не знаем, что делать с данными и выводами». Но проблема не в том, что социолог не выступил инженером. Проблема в том, что он ответил не на те вопросы, которые задавал заказчик. Или последний задал не те вопросы. Также, возможно, данные настолько поставили заказчика в тупик и обрушили его представления о мире, что он растерянно начинает искать выход.

Тесно может быть и самим социологам. Людям гуманитарной сферы вообще свойственен комплекс демиурга. Хочется не только описывать, но и менять реальность. К тому же, это — вопрос новых бюджетов.

Возможные решения состоят не в курсах повышения квалификации для социологического сообщества, а в плоскости повышения грамотности и взаимопонимания между исследователями и заказчиками. Ещё один путь — формирование междисциплинарных коллективов, в которых исследователи работают вместе с практиками трансформаций. На примере нашей компании: есть люди с исключительно исследовательским бэкграундом, есть люди с консалтинговым. Мы работаем вместе изначально: вторые понимают бизнес заказчика и формулируют управленческие задачи, первые работают на уровне исследовательских.

Относительно этичности. Мы понимаем социальную инженерию как процесс трансформации общества на основе предварительного проекта. Обрыв органического роста. Как формируется сам чертёж? Здесь также возможны различные решения, и выбор между ними предполагает ценностную основу. Можно идти по пути согласования, достижения договоренностей, поиска в запросе и ресурсах разных групп предпосылок для преобразований, цели которых идут от самого социума. Есть подход прогрессоров, которые достаточно агрессивно начинают менять сложившуюся

экосистему. Мы не хотим сказать, что первое – всегда хорошо, а второе – плохо. Бывает, что избыточные согласования тормозят процесс. Но в выборе стратегий лежит определённая этическая основа.

Есть ещё целый ряд этических развилок. Например, в соотнесении целей и средств, в области коммуникаций, которые включают в себя момент препарирования действительности. Не уверены, что можно чётко зафиксировать границу этичности. Возможно, ее стоит искать в мотивах или в кантовском императиве. Нет, мы не возьмёмся за то, чтобы судить об этой границе уверенно.

Есть ли, по Вашему мнению, люди/группы/социальные структуры, настолько резистентные, что неподвластны социальной инженерии (если да, приведите, пожалуйста, примеры)? Или для социальной инженерии нет преград?

Если проект предполагает согласование и организацию целей и ресурсов всех заинтересованных сторон, их вовлечение в процесс преобразования, а не насильственное изменение, то вопрос не имеет смысла.

Группы же, которые не включены в процесс в качестве субъекта, будут вырабатывать сопротивление. Пассивность – тоже форма сопротивления. Пусть на первом этапе это кажется удобным. Но потом оказывается, что усилия «инженера» реализуются в вакууме. Отсутствие энергии поддержки ощущается всегда. И особенно ярко проявляется во время кризисов, испытания на прочность.

Вы ведете секцию «Проектирование моделей территориального развития». Какие проблемы проектирования территориального развития характерны для России?

У нас на законодательном уровне закреплено, что территории

должны иметь стратегии.

Но они чаще всего идут в стол, делаются в шаблонном варианте – как кабинетники, оторванные от понимания среды, в которой будут реализовываться, интересов стейкхолдеров. Стратегии делают неким интеллектуальным центром и «внедряются». Наш подход – стратегии должны формироваться на уровне диалога групп, которые существуют в том или ином пространстве. Задача стратегии – обобщить интересы групп, понять ресурсы, которыми обладают сообщества и создать образ будущего, в которое будут вписаны все заинтересованные стороны. Для этого нужно описание реальности, в которой группы живут, ресурсов, солидарностей и противоречий, ролевых моделей. Нужно не внедрять готовый продукт, а формировать его, исходя из познания социальной реальности. Это открывает большое пространство для социологии.

Интересен вопрос о том, как организовать взаимодействие. И тут – переход к инженерии. В диалоге меняются смыслы, сдвигаются позиции, участники поступаются интересами ради достижения общего дела, достигают компромисса. Конечно, это идеализированное описание процесса, но именно к такой модели, на наш взгляд, нужно стремиться.

Какие проблемы приходится преодолевать при вовлечении местных сообществ при проектировании территориального развития?

Попытались в семи пунктах обобщить проблемы. Они характерны не для всех территорий, но достаточно типичны.

Непонимание.

Общество отвыкло видеть себя субъектом процессов, дистанцированно от власти. Существует позиция: «нам все равно навяжут то, что решат». Запрос выражается в форме претензий.

Комплекс исключительности.

Отдельные группы, в том числе органы власти, могут считать

свой интерес приоритетным, возводить свои частные ценности до уровня общих, а остальное принимать за девиацию.

Проблема медиатора.

Кто может и должен им выступать? В идеале это должна быть власть, которая для этого должна видеть себя посредником, преодолеть олимпийскость, отрешенность, комплекс собственной правоты.

Принятие стратегии.

Недовольные финальным продуктом будут всегда. Проблема в том, чтобы увидеть в стратегии совместный продукт и найти компромисс.

Как перейти к действию.

Местная жизнь погружена в операционность, в текучку. Часто принятые стратегии гибнут не потому, что оторваны от жизни, а потому, что люди не имеют ресурсов ими заняться.

Сам заказ.

Часто решение принимается до всякой дискуссии. Дальше — ритуальная пляска. И цель стратегии в этом случае — зафиксировать и обосновать принятое решение, а не выработать его. Это проблема вертикально спускаемых стратегий и порождаемых ими ритуальных документов.

Долгосрочные стратегии становятся все менее релевантными

по причине высокой скорости изменений и вариативности. Это накладывает иные критерии релевантности. Стратегии должны быть не монолитными документами с жесткими рамками. Нужно переходить от стратегий к стратегированию — живому процессу, который позволяет все время рассматривать новые сценарии, включать в стратегию новые элементы, допускать вариативность. Вариативность — это не сценарий минимум-максимум, а «сад ветвящихся тропок», сценарии «если-то». Нужно постоянное считывание изменяющейся реальности, что только увеличивает роль исследователя.

В анонсе Вашей секции написано, что было бы полезным пригласить коллективы, которыми накоплен опыт создания стратегий развития территорий с использованием инструментов социологических исследований. Удалось ли реализовать этот замысел? Кто будет представлен на секции?

Удалось в полной мере. На секции будут представлены как собственно стратеги, так и исследовательские коллективы с кейсами. Будут команда РДТА, работавшая над проектом в Соловках. Будет Центр стратегических разработок, который аккумулирует огромный опыт пространственного развития. КБ «Стрелка» с рассказом о ролях городского антрополога. Конечно, будет «Платформа», у которой накоплен опыт работы с малыми территориями, в частности, проектирование моделей развития Кронштадта.

Также приедет представитель Центра молодежных исследований ВШЭ из Петербурга с рассказом об изучении молодежи как драйвера социальных изменений. Будут коллеги из Курской области с выступлением о том, как исследования помогают региональному стратегированию.

От секции ожидаем проблемных вопросов, обмена ракурсами во взгляде на проблемы стратегий и исследований.

У нас внезапно (благодаря Ларисе Паутовой) началось обсуждение одежды для Груши. А планируете что-то особенное на конференцию?

Разговор о костюме натолкнул нас на мысль о типажах социальных инженеров. Они ведь считываются визуально. На ум сразу пришел «железный менеджер». Холодно поблескивают очки, дорогой костюм, галстук. Принимает риторику про важность сообществ, но точно знает, как надо. Второй образ – полевик, в свитере и джинсах, сидит на завалинке, на ступеньках магазина, проникает

в глубинный народ. Какие еще есть типажи? Наверное, нечто среднее. Будем изучать на конференции методом наблюдения.

Авторы: Мария Макушева, Алексей Фирсов